ФИЛАМОРА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

I.

Стѣсняемъ будучи столь многими соболѣзнованіями не находилъ Хризофилъ нималѣйшей отрады въ своей дочери, которою наградила его еще въ старости его супруга. Въ то самое время, когда не думалъ онъ быть способнымъ пріобрѣсти въ заботливой своей жизни то, чтобы могло облегчить его печаль, и не надѣялся уже узрѣть въ дочери своей лучше Хризалитова свойства; Филамора воспитывалась въ монастырѣ, въ которой онъ ее для того отдалъ, чтобы избѣжать досады, могущей произойти при воззрѣніи на такой прискорбной предмѣтъ, которой находясь въ его домѣ будетъ помнить безполезное воспитаніе и чтобъ удалить отъ нее всѣ женскія увѣселенія.

Добродѣтельное сердце, кротость, пріятность въ словахъ, сопровождаемая краснорѣчивыми граціями, веселая и пріятная улыбка, великая острота разума и неоцѣненное сокровище невинность, служили Филаморѣ предвѣщаніемъ къ благополучной жизни. Сколь пріятно пораженъ былъ

Хризофилъ, паки увидя любви достойную свою дочь по прошествiи нѣсколькихъ лѣтъ со всѣми прелестьми, коими природа украсила ее въ сходственность воспитанiя и добродѣтели.

Теперь Хризофилъ разсмотрѣвъ съ довольнымъ вниманiемъ и отрясши отъ мысленнаго зрѣнiя мглу страстей, началъ хранить золото не для путеводителя къ счастiю своей дочери. Онъ не рѣдко скрывалъ отъ нее вредную тайну, коей наиболѣе приписывалъ онъ упреки прежде временной своей старости и злополучiе своего сына; а особливо старался онъ доставить ей такого друга, которой бы достоинъ былъ обладать ея превосходными качествами, и возвысить ея существенныя преимущества посредствомъ описанiя, къ которому онъ удобно могъ присовокупить нѣкоторой родъ прикрасы, а потомъ съ оными дарами предъуготовить ее къ чистѣйшему источнику счастливой жизни.

Филамора ни малѣйшаго не имѣла свѣдѣнiя о тайнѣ своего отца, а только ласкала себя прiятною надеждою, чрезъ честное поведенiе сдѣлаться любви достойною, а чрезъ добродѣтельную жизнь во всякомъ состоянiи счастливою.

II.

РОЗАВРА.

Филамора имѣя сїи счастливые дары, каковыми природа преимущественно снабдѣваетъ только добродѣтельныхъ людей, и при такихъ лестныхъ ожиданїяхъ прїобрѣла въ одной любезной подругѣ, бывшей не столько ея надзирательницею, сколько ею самою избранною участницею въ ея удовольствїяхъ, гораздо превосходнѣшїй даръ провиденїя, предохраняющаго ее подъ прїятнымъ дружелюбїемъ, какого только можно надѣяться дѣвицѣ отъ разумныхъ и опытомъ дознанныхъ прїятельницъ, отъ всѣхъ заблужденїй легкоплѣняющей юности, отъ бѣдственныхъ случаевъ нѣжнѣйшаго сердца и отъ всякаго обмана мнимой добродѣтели.

Розавра еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ по многимъ обманчивымъ надеждамъ, и по многократнымъ болѣе несчастливымъ, нежели удачнымъ опытамъ, отрекшись мїра избрала монастырь, какъ единое и послѣднее убѣжище. Въ ономъ поручила она себя по выбору и врожденной склонности содержательницѣ всеобщей трапезы.

Филаморино свойство и тѣсная ея съ нею дружба такъ ей понравилась, что она рѣшилась всю свою жизнь препровождать съ нею неразлучно, естьли бы она сама не предпочла мятежной мїрской шумъ монастырскому спокойствїю.

Она никогда несовѣтовала своей подругѣ, а особливо представляла ей обязательства и должности женскаго пола, которыхъ она никогда отрещись немогла не преступивъ законовъ природы и не отрекшись самой себя. Розавра съ немалою осторожностїю иногда удалялась изъ шумныхъ собранїй въ любви достойное монастырское уединенїе, въ которомъ она прогоняла скуку, прочитывая письма младой своей подруги, кои были для нее гораздо прїятнѣе самоличнаго ея присудствїя.

III.

Филантропъ.

Къ сему обществу присовокупилъ Хризофилъ другое, имѣющее нѣкогда содѣлать благополучїе любезной его Филаморы. Онъ уже заблаговременно усыновилъ одного надежды ис-

полненнаго юношу, именемъ Филантропа, вмѣсто несчастнаго Хризалита, котораго онъ поручилъ болѣе собственному его поведенїю и наказанїю природы, нежели старался исправить его родительскими совѣтами, коими пользовалъ онъ его такъ, какъ не имѣющаго ушей человѣка. Хотя Хризофилъ и ни къ чему не былъ привязанъ; однако Филантропа до тѣхъ поръ рѣшился содержать въ своемъ домѣ, пока не узритъ въ немъ просвѣщенїя разума, и склонности къ добродѣтели; напослѣдокъ спустя нѣсколько времени начали въ немъ оказываться тѣ прїятности и добрыя качества, каковыя Хризофилъ всегда примѣчалъ въ любви достойной своей дочери; и хорошее поведенїе усыновленнаго имъ юноши дѣлало обѣ сїи добродѣтели другъ къ другу нѣжными, соединяя притомъ счастливое согласїе, между ими владычествующее, отъ часу крѣпче.

Хризофилъ столь сильно полюбилъ своего прїемыша, что безъ него не вкушалъ уже никакого удовольствїя; онъ столькоже удивлялся чистосердечной его склонности и прилѣжанїю къ изображенїю дарованїй, сколько и одобрялъ чувствительность его сердца и ревность къ содѣянїю добрыхъ дѣлъ; притомъ не мало изу-

маялся, видя его безпристрастное и доброволъное отвращенїе отъ увеселенїй, въ которыя особливо ввергаетъ себя юность ко вреду своихъ способностей, вкусивъ заблаговременно прїятное и необузданное удовольствїе. Чемъ скромнѣе поступалъ Филантропъ; тѣмъ болѣе удивлялся ему Хризофилъ, и чемъ менѣе взиралъ онъ на состоянїе, достоинство, богатство и всѣ преимущества; тѣмъ болѣе увѣрялся Хризофилъ, что любимецъ его или прїобрѣтетъ только единый путь къ благополучїю, или совсѣмъ не будетъ походить на человѣка.

Съ какимъ удовольствїемъ смотрѣлъ старикъ на безпрестанное Филаморино приращенїе во всѣхъ совершенствахъ свойства, и сколь прїятно для него было то чувствованїе, что онъ будучи самъ не способенъ вкушать толь различныхъ родовъ услажденїя въ счастїи, могъ однакожъ оживить и умножить оное въ своемъ любимцѣ!

IV.

ФИЛАМОРА.

Хризофилъ въ самомъ дѣлѣ болѣе удивлялся, нежели имѣлъ попече-

нія о Филантропѣ. Онъ говорилъ объ немъ съ важностію, каковую всякой долженъ ему оказывать еще болѣе, для того что будто бы великая его кротость по видимому превышала всѣ плѣняющія преимущества.

Еще до возвращенія Филаморина изъ монастыря въ отцовской домъ Хризофилъ уже описалъ ей свойство друга своего столь витіевато, и столь живо, что она не менѣе Розавры желала узнать человѣка имѣющаго быть частію ея учителемъ, частіюжъ ея братомъ, о коемъ ея отецъ говорилъ съ восхищеніемъ.

Она доселѣ не только имѣла случай видѣть часто при столѣ большую часть Римскаго дворянства, но и въ посѣщеніяхъ, дѣланныхъ ею отъ времени до времени своимъ родителямъ и родственникамъ для познанія любви достойнѣйшей части тѣхъ, кои стараясь объ ея рукѣ надѣялись вступить въ родство съ Хризофиловою фамиліею.

Филамора въ самомъ дѣлѣ имѣла столь нѣжное и чувствительное свойство, что безъ предостереганія Розавры и искуса не рѣдко обманывалась бы соблазнительнымъ видомъ льсте-

цовъ и ложнымъ сіяніемъ добродѣтели. Но Хризофилъ тѣмъ болѣе уважалъ примѣрное поведеніе такого друга, каковъ былъ Филантропъ. Онъ напередъ представлялъ съ обѣихъ сторонъ изумленіе и нѣжное вниманіе, долженствующее вскорѣ быть для нихъ полезнымъ, и чувствуемая имъ радость служила предвѣщаніемъ тому благополучію, которое одни только родители въ состояніи оживить въ своихъ благородно воспитанныхъ дѣтяхъ.

Филамора для посѣщенія родительскаго дому оставила на нѣсколько времени монастырь; впрочемъ она увѣрила Розавру, что скоро опять возвратится въ ея объятія, и не преминетъ ее увѣдомлять обо всѣхъ обстоятельствахъ. И такъ спустя нѣсколько дней писала она оттуда къ Розаврѣ слѣдующее письмо:

V.

КЪ РОЗАВРѢ.

11 Генваря.

Наконецъ, любезная пріятельница, я въ состояніи удовлетворить вашему любопытству. Я видѣла его,

видѣла Филантропа, идола моего родителя. Мнѣ даже не сказали, что онъ къ намъ будетъ; знайте что онъ, иногда случается, самъ бы себя разорвалъ, таковое его безумїе родитель мой называлъ орудїемъ любви, а впрочемъ незнаю, что онъ изъ того заключалъ. Но едвали я не увѣрена, что родитель старался чрезъ то возбудить во мнѣ желанїе, а притомъ желалъ видѣть, каковою долженствовала бы я быть, не нашедъ его при своемъ прибытїи. Однакожъ сверьхъ моего чаянїя вдругъ пришелъ мой братъ съ Филантропомъ. Какъ вамъ уже не безъизвѣстно, что родитель мой брата моего никогда не желалъ бы и видѣть; однакожъ всегда дѣлалъ такой видъ, какъ будто бы находилъ въ томъ удовольствїе, что видитъ его въ обществѣ такого человѣка, коего примѣромъ исправляться можетъ его свойство.

Въ самомъ дѣлѣ въ представленїи, еще напередъ мнѣ сказанномъ въ Филантропову пользу, и половины не было противъ того, что я сама видѣла. Признаюсь, что я очень мало предъуготовляла себя къ такому прїятному пораженїю, особливо когда съ обѣихъ сторонъ желанїя были гораздо обманчивѣе самой сущности. Во-

образите себѣ самое пріятное и вамъ самимъ извѣстное изображеніе; вообразите себѣ мужское лице, которое бы столь же прелестно было, какое имѣетъ и любви достойная Розавра, и такъ бы походило на нее, какъ братъ на сестру походитъ; вообразите себѣ любви достойнаго человѣка, величественной его поступокъ, пріятной взоръ, острой разумъ, нѣжной голосъ, во всемъ наблюдаемая пристойность и самое его поведеніе, о которомъ вы со временемъ будете извѣстны; то безъ всякаго сомнѣнія можете себѣ представить Филантроповы пріятности самыми плѣнительными: скажите, почему мужескія прелести не только пріятны и трогательны, но столь сильны и дѣйствительны, какъ наши?

Я не почитаю за нужное описывать вамъ плѣняющаго музыкою Аполлона, но все то, что мущинѣ можетъ иногда дать пристойность и красоту, было въ немъ соединено. Въ самомъ дѣлѣ я думаю, живописецъ могъ бы взять отъ него идѣю, когда бы пожелалъ сравнить Геркулесовы силы съ прелестями Адониса. Лице у него не велико и не мало, глаза лазуреваго и небеснаго цвѣта; они стольже прозрачны и плѣнительны,

какъ и ваши. Волосы его злато подобные, какихъ никто другой не имѣетъ. Уста его служатъ вмѣстилищемъ Свады, и каждой звукъ, происходящїй изъ оныхъ, есть прїятное согласїе. Минерва изображается на его прелестныхъ устахъ, а хоръ Грацїй владычествуетъ надъ его ланитами.

По толикомъ представленїи, какъ вы думаете, любезная моя прїятельница, проиграла ли бѣдная ваша Филамора сердце свое? Правду сказать, я бы и половины о немъ вамъ не пересказала, о томъ, что думаю, ежели бы это не было справедливо, и ежели бы онъ не походилъ на васъ такъ, что я думала изобразить вашъ образъ, въ коемъ его начертала. По истиннѣ, любезная Розавра, онъ въ изумленїи смотритъ подобно вамъ. И потому я долженствовала бы уменьшить къ вамъ любовь, естьли бы это было возможно, и притомъ не заражена была такимъ подобїемъ. Словомъ: онъ одинакое съ вами имѣетъ произношенїе голоса.

И такъ прїѣзжайте къ намъ скорѣе и посмотрите, съ какимъ почитанїемъ взираетъ онъ на моего родителя и родительницу, на меня и на всѣхъ домашнихъ, не будучи ни мало

увѣренъ въ своихъ преимуществахъ. Да и самаго моего брата, который никогда не бываетъ спокоенъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ съ нимъ невѣждъ, понуждаетъ удивляться сродному его высокопочитанїю. Онъ уже совсемъ перемѣнился; во всемъ забылся для своей пользы. Подлинно, любезная Розавра, желала бы я, чтобъ вы его увидѣли, или вы опасаетесь, что я къ вамъ не возвращусь.

VI.

Отъ тойже самой къ Розаврѣ.

15 генваря.

Сего дня разговаривала я съ своимъ родителемъ о весьма важной матерїи. Я вамъ напередъ скажу, что родительница моя не менѣе плѣнилась Филантроповыми заслугами; почему и разсказывала вчерась всю его исторїю въ собранїи многихъ женщинъ, съ такими выраженїями, что по видимому я не одинъ разъ краснѣла при семъ повѣствованїи. Не знаю сама, думать ли мнѣ, что все это было говорено на мой щетъ, или я уже беру

столькоже участія въ его судьбѣ, когда приписываю себѣ въ похвалу, видя другихъ удивляющихся его заслугамъ. Впрочемъ безъ совѣта ея ничего не должна я предпринимать, да и въ самомъ дѣлѣ я не хочу ей противиться. Однако я надѣюсь, что вы къ намъ пріѣдете, поелику по словамъ родителя не для чего мнѣ быть въ монастырѣ.

Я не могу предъ собою не извинить того человѣка. Онъ не вѣтренъ. не убѣгаетъ моего присутствія, но сверьхъ сего чрезвычайно скроменъ и едва осмѣливается на меня взглянуть, естьли нечаянно встрѣтятся другъ съ другомъ наши глаза. Какая бы тому была причина?

Родитель мой взявши меня сего дня за руку и приведши въ свой кабинетъ, посадилъ подлѣ себя: вскорѣ потомъ пришла и родительница и сѣла подлѣ меня. Я ничего болѣе не ожидала, какъ совершеннаго рѣшенія своей судьбы, а болѣе о томъ сожалѣла, что безъ васъ выѣхала изъ монастыря. Любезная дочь, сказалъ родитель, ты уже предузнала, можетъ быть, мои намѣренія. Филантропъ, кажется мнѣ, тебѣ не противенъ. Мы назначили его тебѣ въ супруги. Не ожидай отъ него никогда въ любви изъясне-

нія; онъ столько скроменъ, какъ будто не надѣется получить того, чего онъ ни посчастію, ни по знатной породѣ не можетъ получить. Онъ можетъ быть сокрылъ бы свою любовь и лучше удалился бы изъ нашего дома, нежели согласился пуститься на то, что бы намъ не понравилось. Ты знаешь его нравъ, и мы уже давно оба тому свидѣтели, что онъ честнаго поведенія и добродушенъ. Ничто иное, какъ низкость рода не позволяла ему доселѣ сдѣлаться въ свѣтѣ знатнымъ. Имѣніе наше можетъ ему доставить чинъ, которой тѣмъ паче удовлетворитъ его желаніямъ и подкрѣпитъ твою надежду. Теперь будетъ ли только твое на то согласіе, а въ разсужденіи его нечего сомнѣваться. Хотя я съ нимъ о семъ и никогда не говорилъ; однако я увѣренъ, что естьлибы онъ съ тобою вступилъ въ супружество и не изъ любви; то благодарность и повиновеніе обязали бы его... Благодарность и повиновеніе? Прервала я рѣчь моего родителя. Я бы желала, чтобъ мысли его основаны были на чемъ нибудь другомъ, и чтобъ онъ со мною обходился ни мало меня не убѣгая. Я думаю, что дѣвица, не полагающаяся на добровольной выборъ будущаго своего супруга, не можетъ быть счастлива.

Какъ развѣ въ его волѣ состоитъ избрать тебя себѣ въ супружество, сказалъ родитель съ нѣкоторымъ жаромъ. Или ты не знаешь, что филантропъ не имѣетъ права на такія выгоды, которыя обѣщаютъ ему союзъ съ нашимъ домомъ; естьли разсудить о его родѣ, то онъ совсемъ не извѣстенъ.

Совсемъ не известенъ! любезная Розавра, и такъ я ни мало не разсудя, должна дать свою руку такому человѣку, который и родителей своихъ не знаетъ. Прошу тебя, любезная пріятельница, не оставить меня въ то время, какъ жизнь моя будетъ подвержена опасности. Поспѣши только узнать человѣка, долженствующаго содѣлать все мое благополучіе.

Я отвѣтствовала родителю, что воля его всегда пребудетъ моею, въ прочемъ просила его о нѣкоторой отсрочкѣ, пока не узнаю короче Филантропова свойства изъ его поведенія; и симъ сегоднишный нашъ разговоръ былъ конченъ.

VII.

Филантропъ къ своему другу.

Нѣтъ, этому не льзя статься, чтобъ вы могли все то себѣ представить, что чувствуетъ мое весьма зараженное любовїю сердце при воспоминовенїи о Филаморѣ, и въ какомъ неописанномъ восторгѣ, воспламеняющемся во всѣхъ составахъ тѣла въ разсужденїи сея великїя и обожанїя достойныя красавицы, находится оно; и какимъ сильнымъ и мятежнымъ движенїемъ волнуется, представляя себѣ будущїя увеселенїя и прїятныя дѣйствїя дружества и нѣжности! Не возможно мнѣ описать вамъ всего того, не видавъ ни чего въ свѣтѣ и незнавъ совершенно, что бы достойнѣе было описанїя кроткаго и прїятнаго согласїя, какое можно видѣть въ двухъ зараженныхъ любовїю сердцахъ, притомъ внѣшныхъ знаковъ самыхъ невинныхъ человѣческихъ склонностей, обитающихъ въ двухъ душахъ, сотворенныхъ одна для счастїя другой. Я не запираюсь, что я не первой приводилъ въ движенїе сильное стремленїе источника всѣхъ чувствїй, соединенныхъ съ че-

ловѣческимъ благополучїемъ, и не первой производилъ звукъ на сихъ согласныхъ струнахъ взаимной нѣжности, которой еще и теперь слышанъ и приводитъ нашу жизнь въ прїятнѣйшее согласїе. Это была Филамора, которая живымъ своимъ взоромъ возжгла огнь любви, которой теперь обратился въ неугасимой пламень. Это была она, которая столь глубоко проникнула въ сердце любовника, ея прелестямъ удивляющагося и недерзающаго изъ почтенїя къ ней въ страстной своей любви признаться, дабы чрезъ то самое истребить ужасъ, которой я имѣю въ себѣ въ разсужденїи недостатковъ своихъ въ сравненїи съ ея преимуществами. Это была она, которая не могла возбранить признанїю глазъ, предшествовавшему чувствїямъ нѣжнѣйшаго сердца, и сказала по неволѣ можетъ быть болѣе, нежели сколько хотѣла, что и означаетъ, что они сходствуютъ съ истолкователями моихъ склонностей, которые признавъ за изъясненїе весьма сильное желанїе, ласкаютъ себя лестною надеждою. Любезный другъ! какъ скоро бросилъ я сей первой прїятной взоръ, какъ скоро потерялъ я глаза свои въ семъ морѣ удовольствїй, въ семъ великомъ зерцалѣ божеской души, и весьма неописанныя изъясненїя

нѣжности узрѣлъ; то нечувствительно соединились сердца наши неразрывными узами любви, кои сдѣлаютъ меня счастливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ.

Вы знаете, что я не изъ числа Энтузiастовъ, почитающихъ все за божество, что съ ихъ страстiю несоединено, и находящихся беспрестанно въ восхищенiи, говоря о своемъ любезномъ предмѣтѣ. Однако я отъ васъ не скрываю, что съ того времени, все меня окружающее, кажется мнѣ изъявляющимъ радость, всякое благовонiе, произходящее изъ цвѣтовъ, для меня сдѣлалось прiятнѣе, каждой звукъ согласной музыки проницаетъ въ сердце мое гораздо глубже обыкновеннаго, и небо кажется для меня столь близкимъ, что отъ Филаморы одинъ шагъ до него сдѣлать. Страсти мои украшаютъ всякой предмѣтъ, даютъ ему новое достоинство, находясь съ ними въ союзѣ, и принуждаютъ меня на все взирать съ увеличительнымъ свѣтомъ, сiяющимъ отъ прелестей любезной моей Филаморы. Когда я съ нею говорю, то кажется всѣ слова ея завидны, и послѣднiя ни въ чемъ не уступаютъ первымъ: я часто впадаю въ толь прiятной для меня обморокъ, что одни

только глаза въ состоянїи выразить сердечныя чувствїя. Нѣтъ въ природѣ прекраснѣе перваго добродѣтельнаго огня любви, пылающаго нарозовыхъ ланитахъ двухъ невинности исполненныхъ любовниковъ. Никакое земное благополучїе не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое одушевляетъ мое сердце сими первыми восторгами нѣжности. Кажется что сердце открывается къ новой жизни, что оно бывши прежде собранїемъ всѣхъ подолгу и сполняемыхъ, а потомъ въ страсть перемѣнившихся добродѣтелей, сдѣлалось источникомъ великодушїя, всеобщаго доброжелательства и благодарности природѣ, основательницѣ счастїя, дружества и любви. Филамора кажется видитъ у меня въ глазахъ тотъ неизчерпаемый удовольствїя источникъ, которой изъ ея сердца стремится въ мое. Нѣтъ такихъ въ свѣтѣ красокъ, коими бы можно было изобразить то неудобозримое море нѣжности, въ которомъ связаны и соединены всѣ чувствїя и излїянїя любви, участвованїя и неописанныя прїятности женскаго сердца. Нѣтъ столь сильныхъ словъ изъяснить, сколь прїятна ея любовь вашему другу, сею упоенному страстїю.

Когда я говорилъ съ нею въ первой разъ о любви, любезный другъ;

о! естьлибы вы тогда видѣли покрывшій ея ланиты румянецъ, естьли бы вы видѣли смятеніе, въ полномъ величествѣ обнаружившее всю ея нѣжность и поступокъ ея наполнившее пріятнымъ безпорядкомъ; то бы вы признались, что во всемъ свѣтѣ еще не видали такой красавицы. Она скинувши съ себя притворную и хитрую маску, весьма погасающую самыя лучшія побужденія природы, призналась при первомъ моемъ вопросѣ, что она со мною раздѣляетъ тѣже самыя пріятныя чувствованія дружества, какія и я къ ней имѣлъ; что она тогда только бываетъ довольна, когда я съ нею разговариваю, и что для нее ничто не можетъ быть пріятнѣе, какъ всегда видѣть меня съ одними мыслями. Съ того времени, какъ сіе пріятное дружество, владычествующее съ начала между подобными, одна для другой определенными душами, проложило дорогу къ чувствительнѣйшему удовольствію, обхожденіемъ приносимому, къ равномѣрному участвованію во всѣхъ красотахъ природы; всякое удовольствіе бываетъ живѣе, всякая шутка исполняется неописанною веселостію, всякое чувствіе дѣлается благороднѣе и всякая способность къ добродѣтели возносится; съ того времени желаю

я, любезный другъ, чтобъ бытїе мое безпрестанно было таково же, а не такъ, какъ я прежде ничего не уважая проклиналъ весь свѣтъ, себя и злосчастную свою участь. Она часто ходитъ со мною ухватясь за руку на морской берегъ, солнцемъ освѣщенной. Она чувствуетъ тамъ прїятное согласїе природы! и изъ глубины ея сердца восходятъ благодаренїе и поклоненїе Всевышнему Творцу. О ты источникъ блаженной любви! говорила она; потомъ воздѣвши прекрасныя и бѣлыя свои руки къ небесамъ, взирала на оныя съ неописаннымъ веселїемъ, о ты, который исполняешь сердца наши толикой небесной радости! благоволи нашей жизни быть стольже прїятной, какъ сїе утро, стольже тихой и свѣтлой, какъ сїе необуреваемое море; опредѣли ей быть стольже чистой, какъ сей воздухъ насъ окружающїй, и стольже согласной, какъ гласы шумящихъ лѣсовъ гремящихъ твою славу и приносящихъ тебѣ благодаренїе! Да будетъ она столько же благотворительна и исполнена добродѣтели, сколько она теперь исполнена радости и восторга! Великїй Боже, увѣнчай насъ неувядаемымъ вѣнцемъ добрыхъ дѣлъ, и даждь намъ во всякое время чувствовать, что мы только посредствомъ

добродѣтели можемъ сдѣлаться счастливыми, а посредствомъ любви блаженными, и расположи веселїе нашей жизни такъ, какъ угодно твоему промыслу.

Вотъ, любезный другъ, блаженнѣйшїе и благополучнѣйшїе жизненные часы! Когда сїи пройдутъ, то останется только опустить въ повѣсти о нашемъ благополучїи мое произхожденїе: всѣ мои несчастїя миновались и дни мои будутъ препровождаемы въ подобныхъ радостяхъ даже до смертнаго часа.

И такъ употребимъ мы въ пользу то, что обѣщаетъ намъ юность, радость и добродѣтель; да насладимся мы счастїемъ, доколѣ оно можетъ продлиться въ прїятнѣйшихъ минутахъ нашей жизни; и когда мы заблуждаясь долго достигнемъ наконецъ до постоянства счастїя, и прежде нежели можемъ оное живо себѣ представить, то уже пренесены будемъ въ пристанище онаго; да увеселяемся мечтою цвѣтущихъ нашихъ лѣтъ и воспоминанїемъ тѣхъ произшествїй, которыя казалось приводили въ величайшїй восторгъ наши сердца, горящїе на короткое время любовїю, и возблагодаримъ тому, который со всѣми сво-

ими неизглаголанными благодѣяніями, соединилъ во первыхъ всегдашнее воспоминаніе, а во вторыхъ чистѣйшее удовольствіе съ чувствованіемъ благодарности.

Другъ моего сердца! никогда я васъ, весь человѣческій родъ, все твореніе столь сильно не любилъ, какъ теперь. Никогда не представлялось моимъ глазамъ въ столь тихомъ, пріятномъ и розовомъ свѣтѣ все, что освѣщаетъ день, украшаетъ ночь, какъ теперь; а особливо когда я чувствую, что согласіе моихъ мыслей возведено на высочайшую степень, и что всѣ члены находящіеся въ пріятнѣйшемъ положеніи напряжены къ чувствительнѣйшему ощущенію удовольствія. Никогда природа предъ моими глазами толикихъ прелестей не открывала, какъ съ того времени, когда я погрузившись въ пріятныя мысли, что все сіе обновляющееся одѣяніе природы будетъ брачнымъ уборомъ для моей любезной Филаморы, началъ ее разсматривать прилѣжнѣе и восхитившись ея увеселеніями приходить въ удивленіе. Она ощущаетъ наступающую вѣсну живѣе меня, потому что ея сердце гораздо чувствительнѣе моего, и притомъ есть сердце невинной дѣвицы: но она не можетъ имѣть та-

кой радости, наслаждаясь сими прiятностями, какъ я; правда, что я безъ нее ничего бы не ощутилъ во всемъ этомъ увѣнчанномъ и радостномъ творенiи, и что она приноситъ мнѣ удовольствiя болѣе самой весны. Но теперь все кажется новымъ свѣтомъ.

Весна оживотворила уже пробудившуюся природу. Младость лѣсовъ возвѣстила ея приходъ новыми небесными пѣсньми. Пестрое стадо щеглятъ, высокопарящихъ жаворонковъ, и прiятное пѣнiе всегда веселыхъ зяблицъ, извлекли уже во всю зиму покоившагося медвѣдя изъ мрачной берлоги; прекрасное сiянiе небесныхъ сводовъ, чистѣйшiй Ѳѳиръ, первые ясные дни прiятной весны, играющей въ нѣжномъ лонѣ флоры, выманили Философа и стихотворца изъ шубъ и теплыхъ горницъ въ лѣса и луга.

Весна повѣяла изъ небесныхъ странъ уже въ другой разъ, и теплые дожди отверзли брачное лоно Весты; земля произвела на свѣтъ свидѣтелей перваго своего чувствованiя радости, Майскiя цвѣты и младую вырастающую травку; прiятнѣйшая жемчужная роса изливала златый удовольствiя источникъ; воздухъ и небо торжественно издавали первый звукъ,

начинающій воспѣвать брачную пѣснь землѣ.

Весна уже появилась во всемъ величествѣ, и лучи любящаго и свѣтъ обновляющаго Бога проникли въ его творенїе. Изъ нѣдръ земли изходили пары и туманы, и сокрывали глубокїя ея таинства, между тѣмъ какъ она обновлялась. Съ неба нисходящїй теплый воздухъ оживотворялъ верьхи деревъ, вершины горъ и струи рѣкъ. Тогда начали цвѣсти высочайшїя Кедры, и низкой Гиссопъ; тогда зеленѣли ихъ вершины, и скрывали главы свои подъ облака всеобъемлющей тверди, и Океанъ изъявлялъ благодарность свою къ веснѣ волнами, соединяющимися съ облаками и изливающимися изъ всѣхъ ручьевъ съ горъ низпадающихъ. Когда ночная пѣвица воспѣвала прїятнѣйшую Гименову пѣснь; тогда Флора разпускала младыя почки розъ; густыя рощи осѣняли прїятною своею тѣнью долины, и Май всюду призывалъ друзей своихъ веселиться. Стихотворецъ оставя теперь свои пѣсни, искалъ свою любовницу и наполнялся чувствованїя. Благотворительное небо благословило его съ любовницею ощущать весеннее веселїе, и душа его пробудясь отъ зимняго меланхолическаго сна, приводила сгустившуюся кровь въ

скорѣйшее обращенїе, и оживотворяла его бальсамомъ жизни, т. е. сладчайшею и прїятнѣйшею любовїю его любовницы.

Земля казалось плавала въ морѣ всюду видимаго удовольствїя. Человѣкъ искалъ любви такъ, какъ его къ себѣ манили Майскїя увеселенїя. Стада птицъ, искавшихъ зимою убѣжища въ ближайшихъ къ солнцу странахъ, теперь возвращались съ веселїемъ, и оставшїяся на старыхъ жилищахъ друзья, поздравляли возвращающихся гостей, сидя на зеленѣющихся берегахъ, съ прежнею къ нимъ вѣрностїю и такими же пѣснями. Всѣ дикїе звѣри и всѣ лѣсные обитатели изходили и премѣняли свою долговременную скуку въ новыя веселїя, взирая на роскошъ преизобилующїя природы. Всякой червячокъ живущїй въ землѣ, въ деревахъ, на воздухѣ и въ водахъ, ощущалъ оживляющее дыханїе всесильной весны. Великїй Боже! колико Ты благъ и милосердъ! Ты, который даровалъ всесильною Десницею всему Твоему созданїю сїе первое и всегда пребывающее стремленїе къ удовольствїю! Ты, который повелѣлъ по землѣ разпространяться различнымъ перемѣнамъ съ новыми всегда увеселенїями! Ты, который на каж-

дое столѣтіе ниспосылаетъ новыя благословенія! ты, къ которому восходитъ всеобщая торжественная радость отъ сего олтаря свѣта! ты, который пребудешъ отъ нынѣ и довѣка, который возжегъ нашу душу неугасимымъ огнемъ твоея благости такъ, что она все приносимое тебѣ твореніемъ съ любовію пріемлетъ и безпрестанно возносится отъ твари къ творцу, отъ наслажденія къ благодарности.

Тамъ уже блистаетъ при краю моря вѣстникъ вечера и любви, спутникъ луны и размышляющихъ философовъ. Тамъ призываетъ онъ къ веселымъ размышленіямъ и къ движенію, къ согласію и чувствованію пріятной и прелестной природы. Тамъ пламенѣетъ еще небо отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца, которое по долгихъ дневныхъ благодѣяніяхъ мѣшкая при морскомъ берегѣ, осіяваетъ еще единожды тихимъ блистаніемъ пламенѣющіяся страны, и въ прекрасномъ своемъ захожденіи исполненно будучи любви колеблясь, наконецъ скрывается отъ глазъ. При наступленіи вечера изъ нѣдръ земли разспространяется благовонный запахъ, всюду владычествуетъ глубокая тишина, нарушаемая только

журчанїемъ маленькихъ источниковъ и прерываемая меланхолическою соловьиною пѣснїю,

Я нашелъ Филамору въ лѣсу сидящую при малинькомъ водопадѣ и увидѣлъ на плечѣ ея лютню повѣшенную на лавровой цѣпи, а взоры устремленные на освѣтившую все тогда луну. Вѣтеръ раздувалъ волосы и лунное сїянїе казалось съ нею улыбалось. Струи малинькаго пѣнящагося ручья видя гордой ея видъ въ своемъ зеркалѣ, сильнѣе ударялись объ берега оброзшїя тростникомъ, и досязали до вершинъ цвѣтовъ. Тогда лежала прекрасная моя любовница протянувшись на мягкой шелковой травѣ и была столь легко одѣяна, какъ тончайшїя облака, въ которыхъ часто скрывается свѣтящая луна, лютня лежала на нѣжной ея груди и плечѣ, между тѣмъ колеблющаяся ея рука производила на звенящихъ струнахъ прїятное согласїе, разительнѣе соловьиной пѣсни въ сердце проникавшее. Она пѣла, вся страна увеселялась ея пѣнїемъ, соловей внималъ ей съ изумленїемъ, любовь слушала съ восхищенїемъ облакотившись въ кустарникахъ на листочки. Я есмь богиня нѣжнѣйшихъ восхищенїй, говорила она сама съ собою; однако можетъ ли что нибудь сра-

вниться съ симъ восхищенїемъ и удовольствїемъ, клянусь Стиксомъ, что сїи только самыя блаженныя минуты, которыми я когда либо наслаждалась, пока пребываю богинею! луна повелѣла не шумѣть крыльями везущимъ ея драконамъ и со вниманїемъ опершись на сребреную колѣсницу воздыхала непорочная богиня! Филамора перестала пѣть, эхо уже трижды повторило съ восторгомъ послѣднїя ея злова въ ближайшихъ и отдаленныхъ пещерахъ; природа еще торжествовала пѣснь и соловей сидѣлъ изумившись на любимомъ сучкѣ. Тогда предсталъ я предъ нее, богиня, сказалъ я оцѣпеневши и пожавши съ трепетомъ ея руку испустилъ вздохъ изъ глубины сердца. Она испугавшись меня потупила глаза въ землю и покраснѣвши начала улыбаться; яжъ будучи безсиленъ сѣлъ подлѣ нее. Онѣмѣвшїя и трепещущїя уста живо ей тогда показывали неизреченное мое восхищенїе. Я игралъ лѣвою рукою съ ея нѣжными руками на лѣгко одѣянной груди, а другою обнялъ белую ея шею, локонами покрытую. Когда моя рука упадала на ея груди, тогда испускала она вздохи: я это чувствовалъ и она потупя свой взоръ, отняла мою руку съ дрожащимъ сопротивленїемъ отъ вздымающихся грудей: яжъ бу-

дучи исполненъ стыда, оставилъ грудь и колеблющуюся уже на мою сторону побѣду.

Я знаю, что такія случаи однажды только бываютъ для всякаго человѣка, и что они никогда не могутъ опять произойти съ тончайшею чувствительностію сердца и съ внутреннимъ движеніемъ, когда прекратится первая страсть и погаснетъ юношескій огнь. Я часто слышалъ сіе приказаніе отъ весьма чувствительныхъ и добродѣтельнаго свойства людей, не надѣюсь и самъ сохранить сію пріятную чувствительность сердца, естьли не возмогу ее забыть во время Филаморины любви и соединенія съ нею. Можетъ ли она на всегда погаснуть, сей первой съ зажженный пламень, которой воображеніемъ воспаленный и размноженный очарованіемъ чувствъ; онъ не будетъ долѣе разпространяться, но будетъ сильнѣе горѣть во внутренности, будучи подкрѣпляемъ добродѣтелію и мудростію; онъ продолжится въ нѣжной довѣренности, дружествѣ, въ помощи въ утѣшеніи и надеждѣ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ сіе первое волненіе смущенныхъ мыслей. Я не буду болѣе удивляться Филаморѣ въ разсужденіи ея сановитости, младыхъ прелестей, очаровы-

вающихъ глазъ, ея прїятности и сильной любви; но буду ее тогда любить, какъ вѣрнѣйшую спутницу, какъ утѣшенїе и подпору моей жизни. Весна будетъ возобновлять свои увеселенїя и воспоминанїя о первой нашей любви, она будетъ украшать лице и воспалять кровь любезной моей другини въ поздные лѣтнїе дни и вызывать насъ къ новому радостнѣйшему наслажденїю жизни. Я опять ее увижу, сїю прекрасную цвѣтами изпещренную весну, между благоуханїемъ и музыкою на землю ниспускающуюся изъ утренныхъ облаковъ въ прїятномъ одѣянїи небесной тверди; я буду всегда зрѣть новыя прелести въ ея обновленномъ видѣ; всегда величайшїя преимущества въ сердцѣ любезной моей Филаморы, и наконецъ поспѣшу съ нею чрезъ прїятную жизнь въ объятїя всемогущаго такъ, какъ оная рѣка, съ прозрачностїю протекающая и медлющая около своихъ береговъ прїятныхъ.

VIII.

ОТЪ РОЗАВРЫ КЪ СВОЕЙ СЕСТРѢ.

19 генваря

Любезная сестрица! мы лишились всей надѣжды когда нибудь видѣть

счастливою бѣдную нашу Филамору. О Боже! за чемъ она выѣзжала изъ монастыря! она столь сильно влюбилась въ Филантропа, въ недостойнаго и хитраго Хризофилова любимца, что ни разумъ, ни собственный опытъ не въ состоянiи ее отъ того отвлечь.

Представь себѣ, что сей несчастливой страсти есть виновникъ ея отецъ, что онъ думаетъ соединить ее съ нимъ не взирая на видимое его отвращенiе, или притворство; ибо я не знаю, которое изъ нихъ больше въ немъ дѣйствуетъ. Онъ описалъ ей свойство сего льстеца и своего любимца, которой обманулъ бы и самаго святаго, въ столь добродѣтельномъ видѣ, что бѣдная дѣвица повѣривши болѣе отцу и слабостямъ своего сердца, нежели своимъ глазамъ и ихъ увѣренiю, отъ единаго желанiя оглохла и ослѣпла.

Я бы съ охотою вывела ее изъ заблужденiя, могущаго сдѣлать ее на всю жизнь несчастливою, естьлибъ къ тому былъ хотя малѣйшей поводъ, чтобъ она изъ страсти не сдѣлала ни одного поспѣшнаго шага, которой со временемъ учинитъ всю ея жизнь горестною, и ежелибъ я не понесла укоризны, что предвидя несчастiе, онаго не предупредила.

Мнѣ съ начала показался Филантропъ столь воздерженъ, что я живучи съ нимъ розно начала за нимъ тѣмъ болѣе примѣчать; особливо когда ему Филаморины мысли были не безъизвѣстны, что бѣдная дѣвица привязана къ нему очами и сердцемъ, Изъ его обхожденія заключила я, что онъ либо занимался какимъ важнымъ дѣломъ, или врожденное къ Филаморѣ отвращеніе вселяетъ въ него нечувствительность, простирающуюся до оскорбленія, или по крайнѣй мѣрѣ до неблагопристойности.

Къ несчастію только первая изъ моихъ догадокъ была весьма справедлива. Не давно велѣла я за нимъ въ слѣдъ итти переодѣтому слугѣ, котораго я научила, какъ ему должно поступать. Какъ ты думаешъ, куда бы влекла его страсть? На кого бы думаешь промѣнялъ онъ Филамору? На распутную женщину, живущую въ непотребномъ домѣ, гдѣ мой шпіонъ не только видѣлъ его туда входящаго, но и въ самую ея горницу.

Къ той же самой несчастной пишетъ онъ почти всякой день, когда ему не дозволяютъ посѣщать ее нужныя дѣла, или бывающія въ Хризофиловомъ домѣ собранія. И такъ можешь

ты повѣрить, сколько онъ презираетъ Филамору, ту любви достойную дѣвицу, которая можетъ быть еще жертвою безпутнаго человѣка.

Притомъ весьма худо, что Филамора либо чрезъ своего отца, либо чрезъ слѣпую свою страсть такъ имъ плѣнилась, что самые глаза не довольны ей къ увѣренію, что Филантропъ недостоинъ ея любви.

Вчерась она видѣла его ѣдущаго съ Хризолитомъ и со всею своею свитою на ужинъ, гдѣ думаю рѣчь была не о Стоическомъ но о Эпикуровомъ нравоученіи. Какъ ты думаешъ, что она о томъ подумала? Какая отговорка! вскричала она, онъ покидаетъ насъ для того, любезная Розавра, чтобъ содержать въ порядкѣ развращенныхъ людей, естьли онъ ничего долѣе не можетъ учинить, то по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ старается обратить на путь истинный и научить своимъ примѣромъ. О дорогой человѣкъ! онъ возжегъ бы любовь къ добродѣтели и между самыми діаволами.

Сколь далеко простирается ея слѣпота. Я еще не сказывала ей о несчастливомъ произшествіи, о которомъ теперь увѣдомляю тебя. Я намѣрена

точнѣе увѣриться и въ крайнемъ случаѣ на все отважиться, а не допустить, чтобъ бѣдная дѣвица воспитывалась къ своей гибели.

IX.

ОТЪ ФИЛАМОРЫ КЪ РОЗАВРѢ.

20 Генваря.

Вы оставили меня вчерась въ такое время, въ которое мнѣ ваше присутствїе весьма было нужно, и вы не хотѣли сказать, что для моей пользы поѣхали, о чемъ вы хотѣли послѣ меня увѣдомить.

Сдѣлайте милость, прикажите передѣлать мои кѣльи и хорошенько убрать, для того, что мнѣ и родительница вчерась объ этомъ говорила. Скажите естьли можно, что вы вчерась говорили съ ней на единѣ, и что притомъ васъ понудило столь скоро къ отъѣзду въ монастырь?

Однако знайте, любезная Розавра, что мнѣ не хочется и батюшка мнѣ говорилъ, что не для чего быть мнѣ въ монастырѣ. Итакъ никогда не увижу Филантропа, никогда не буду

удивляться его превосходнымъ качествамъ, снискавшимъ прежнее спокойствїе.

Розавра! Онъ прямо Ангелъ а не человѣкъ. Я увѣрена, что онъ васъ только опасаясь, показывалъ себя столь воздержнымъ. Онъ меня и сегодни спрашивалъ, осмѣлившись поцѣловать руку, позволите ли вы, чтобъ я еще на нѣсколько дней оставила монастырь, и наслаждалась свѣтскою жизнїю по прозбѣ моего родителя? Я рада объ закладъ удариться, что онъ васъ почитаетъ за игуменью. Доколѣ вы будете столько упрямы?

Не могу васъ обнадѣжить, отвѣчала я ему, для того, что одинъ только родитель имѣетъ власть надъ моею участью, надъ моимъ будущимъ жилищемъ и также надъ моимъ пребыванїемъ, хотя мнѣ сїе гораздо прїятнѣе монастырскаго (я чувствовала, что покраснѣла, и также думаю, что нѣсколько склонилась на его прозьбу) но надѣюсь, что вы насъ скоро опять посѣтите, дабы съ нами неразлучаться.

Онъ будучи по видимому восхищенъ, цѣловалъ неоднократно у меня руку, и что тогда я ему говорила совсемъ не помню. Какъ вы думаете,

Розавра? и, будто это много сказано: естьли бы я ето сдѣлала и при васъ; то думаю, вы бы за это не осердились.

X.

ОТЪ РОЗАВРЫ КЪ ФИЛАМОРѢ.

2 Февраля.

Естьли бы я васъ не столько любила, сколько вы заслуживаете быть любимыми, то можетъ быть не открыла бы вамъ тайну, которая васъ учинитъ на нѣсколько минутъ безутѣшною, однако пусть будетъ она вамъ извѣстна, любезная Филамора, и сіе будетъ тѣмъ лучше для васъ, чѣмъ заблаговременнѣе узнаете, и когда вы узнаете о томъ отъ такой пріятельницы, которая ни о чемъ иномъ старается, какъ о вашемъ благополучіи.

Вашъ любовникъ, не бойтесь Филамора, онъ не умеръ, а съ нимъ сдѣлалось то, что и съ большею частію людей случается, онъ легкомысленъ и непостояненъ, и столь мало печется о вашемъ благополучіи, что подаетъ вамъ поводъ предостеречь себя отъ

несчастія, которое современемъ учинится неизбѣжнымъ.

Филантропъ не подалеку отъ вашего загороднаго дома имѣетъ знакомство, которое его, какъ вы уже примѣтили, часто безпокоитъ, и какъ вы думали, что онъ конечно меня боится. Въ самомъ дѣлѣ, естьли это его обезпокоивало, что вы примѣтили, то по справедливости онъ опасался, ибо онъ не смѣлъ подумать, чтобъ я узнавши причину его безпокойства когда нибудь смолчала.

Ничего для меня нѣтъ непонятнѣе, какъ онъ такъ не осторожно поступалъ въ такомъ дѣлѣ, которое при малѣйшемъ изслѣдованіи откроется и обнажитъ всѣ его порочные поступки.

Я не запираюсь, что ради васъ употребила шпіона помогавшаго мнѣ въ тайнѣ, не зная оной можетъ быть попались бы вы въ пропасть. Вотъ вамъ копія письма Филантропомъ писаннаго къ недостойной особѣ въ тотъ самой день, когда онъ восхищался отъ вашего изъясненія. Въ другое время скажу вамъ, какимъ образомъ оно комнѣ попалось. Но кто такова та особа, которая владѣетъ всею его нѣж-

ностью, можете въ минуту узнать пославши въ Іеронимовъ домъ; по прочтеніи сего писма тотчасъ мнѣ отвѣтствуйте.

XI

ОТЪ ФИЛАНТРОПА КЪ АГАТѢ.

Любви достойная женщина, не печалься болѣе, нежели тебѣ разумъ и сердце позволяютъ, Судьбу перемѣнить не возможно. Тебѣ не безъизвѣстны мои мысли. Естьли я буду Хризофиловымъ зятемъ, то вдругъ прекратятся твои несчастія, и ты знаешъ средство, могущее сдѣлать нашу надежду единымъ истиннымъ утѣшеніемъ.

Мнѣ нельзя, даже сего дня отлучиться изъ Хризофилова дома. Со всѣхъ сторонъ стараются основать мое счастіе. Я по нуждѣ долженъ повиноваться судьбѣ, и ты легко повѣришъ, что для меня не очень маловажно, когда могу увѣриться притомъ въ основаніи твоего счастія. Завтра надѣюсь я увидѣть дражайшую Агату, и увѣрить ее въ всегдашней вѣрности и нѣжности.

XII

ОТЪ РОЗАВРЫ КЪ ФИЛАМОРѢ.

5 февраля.

Видите, какой опасности подвергнули бы вы себя, естьли бы я васъ не освободила отъ безчеловѣчнего измѣнника, открывши тайну, что для моего съ вами дружества стольже важно, сколько и нужно для вашего благоденствнія.

Постарайся, душа моя, сообщить сіе письмо батюшкѣ, и открыть ему опасность, грозящую всей фамиліи. Не ужасная ли это измѣна противъ всѣхъ васъ. Агата пускай будетъ тѣмъ, чѣмъ она хочетъ, но незабудьте и того, что она возпрепятствуетъ вашему счастію, естьли Филантропъ получилъ желаемое. Правду сказать, онъ васъ со всемъ не любитъ. Въ прочемъ какъ онъ утѣшилъ ту дѣвицу, которую думаетъ сдѣлать несчастливою для того, чтобъ удовлетворить только безпорядочной своей любви.

Не испытывая болѣе возвращайтесь скорѣе въ мои объятія!

XIII.

ФИЛАМОРА КЪ РОЗАВРѢ.

6 февраля.

О боже! въ какую бездну несчастій ввергаете вы меня! Надѣялась ли когда либо я отъ васъ сего, любезная Розавра? Вашели дѣло розыскивать его поступки? За чѣмъ вы меня разбудили и прервали счастливой сонъ, которой меня обманывалъ, да и столь пріятно обманывалъ, что я самую дѣятельность не съ большею страстію ощущала бы! чѣмъ бы я васъ увѣрила, что вы теперь обманулись! скажите, кто вамъ далъ сіе бедственное письмо? Не ужели невозможно, чтобъ его кто нибудь другой писалъ? И такъ это Филантропъ, на котораго вы столь немилосердо подозрѣваете? Свирѣпая пріятельница.

Нѣтъ совсемъ не возможно, а особливо что еще Филантропъ сего вечера признавался мнѣ въ вѣрнѣйшей нѣжности. Я спросила его, совершенной ли онъ еще господинъ надъ своимъ

сердцемъ, чтобъ женщина не опасалась, что другая владѣетъ правомъ.

Онъ не клялся, любезная Розавра, какъ то дѣлаютъ часто и охотно хитрые ваши мущины, но онъ по видимому погрузился въ плачевную и для меня въ столь чувствительную печаль, что я этимъ болѣе всего на свѣтѣ увѣрилась, что онъ нестолько виноватъ, сколько вы себѣ представляете.

Но я рѣшилась тотчасъ его либо смирить либо оправдать, естьли бы можно было. Какъ онъ меня увѣрялъ въ своей страсти, то я вынула изъ пазухи бѣдственное письмо, измѣнившее ему.

Филантропъ, пораженный какъ молнїею, упалъ въ креслы. Я звала на помощь, и побѣжала въ свою горницу, будучи болѣе мертва, нежели жива, гдѣ я васъ не преминула увѣдомить о печальномъ произшествїи. О боже! что сдѣлается съ вашею несчастливою Филаморою.

XIV.

Филамора къ Розаврѣ.

7 Февраля.

Слава Богу! Любезная Розавра! Филантропъ избавился отъ подозрѣнїя,

онъ невиненъ, ваша Филамора счастливѣйшая на свѣтѣ дѣвица. Спустя восемь дней пріѣзжайте на нашу свадьбу и привезите съ собою всѣ Филантроповы письма, я ихъ всѣ брошу въ огонь; какъ я поступила и съ тѣмъ несчасливымъ письмомъ, которое вы прислали; или повѣшу ихъ вмѣсто торжественныхъ знаковъ, и буду читать ихъ по однажды всякой день, дабы увѣриться, что онъ самой любви достойный человѣкъ.

Что вы думаете, какъ Филантропъ поступилъ пришедши вне себя отъ вашего письма? Вмѣсто того, чтобъ увѣрить меня въ ослѣпленіи; пошолъ онъ къ моему родителю, разсказалъ ему все произшествіе, желалъ оставить нашъ домъ и оправдать предо мною Агатину невинность.

Я не заслуживаю той чести, сказалъ онъ моему родителю, чтобъ почитаться вашимъ сыномъ. У меня есть враги, подозрѣвающіе на меня весьма подло, которые не постыдились приписать мнѣ сквернѣйшій и вѣроломнѣйшій поступокъ въ ту самую минуту, когда я намѣренъ былъ увѣрить себя въ Филамориной благосклонности. Я довольно несчасливъ, будучи отъ ея самой обвиненъ въ семъ ужасномъ по-

ступкѣ, думая уличить меня въ ту самую минуту, когда я ей предлагалъ свою руку и сердце. Отпустите несчастливца потерявшаго все, что только на свѣтѣ потерять можно.

Я объ Агатиномъ щастіи столько же стараюсь, сколько и о собственномъ моемъ. Я не смѣлъ объявить вамъ нещастной ея исторіи не сдѣлавшись виновникомъ величайшаго преступленія, и такъ немогу больше быть въ вашемъ домѣ безъ Филаморина почтенія. Я ее лишился, и нѣтъ возможныхъ средствъ себя извинить, что для меня не такъ прискорбно, какъ лишеніе моей чести.

И такъ знайте, что Агата почитаемая вами за его любовницу, его сестра, двоюродная его сестра, или ближайшая сродственница, та самая несчастная женщина, которая будучи отдана съ нимъ для воспитанія на Алпійскія горы пастушкѣ не милосердою его матерью, оставлена и забыта, та самая несчастливѣйшая Агата, которая приводила моего брата въ чувства и разумъ и столь была несчастлива, что онъ свергнувши ее изъ хорошаго состоянія изгналъ въ ту бѣдную хижину, гдѣ она старается о воспитаніи невинныхъ сво-

ихъ дѣтей и въ сихъ бѣдствїяхъ утѣшаетъ ее Филантропъ.

Благородный ея духъ не допускалъ ее до сихъ поръ объявить о своемъ состоянїи, и естьли бы судьба не ниспослала къ ней утѣшителя невинности и не даровала любезнаго брата въ объятїя нѣжнѣйшей сестры въ то время, какъ къ несчастїю была изгнана изъ дому своего супруга, то была бы сїя бѣдная Агата стольже бѣдна, а можетъ быть еще и бѣднѣе, прежняго.

Безчеловѣчные родители! Немилосердый братъ! возможно ли было оказать столько безчеловѣчїя и жестокости къ любви достойнѣйшему и самому лучшему творенїю? Я ее видѣла Розавра: она мнѣ ничего не объявила о своихъ несчастїяхъ. Она прямо терпѣлива и великодушна. Я все это слышала отъ родителя своего, который желая меня успокоить, весь вечеръ со мною вчерась препровождалъ.

Не говорилаль я, что вы ошиблись? Сердце, любезная Розавра, есть пророкъ въ любви, которому я болѣе вѣрю; нежели .... однако все то должно предать забвенїю. Дружество ва-

ше ко мнѣ васъ обмануло. Вы видѣли подозрѣніе, которое должно казаться въ вашихъ глазахъ ужаснымъ. Я трепещу, когда о томъ помыслю, какія бы изъ того произошли слѣдствія. Однако батюшка ни о чемъ не велѣлъ мнѣ заботиться. Завтра все вы узнаете.

XV.

ОТЪ ТОЙЖЕ САМОЙ.

18 февраля.

Батюшка чрезвычайно разсердился на брата моего; онъ не прежде хочетъ о немъ слышать, пока онъ не признаетъ Агату за свою супругу. Онъ осыпаетъ его укоризнами, и невинную Агату при немъ всегда превозноситъ столь великими похвалами, что я опасаюсь, дабы униженіе Хризалитово не послужило ко вреду для обоихъ сторонъ. Кажется мнѣ, что Хризалитъ со времени бѣдственнаго письма открывшаго все дѣло подозрѣваетъ на Филантропа, что будто бы онъ былъ главною тому причиною, и съ того времени началъ онъ съ моимъ любовникомъ поступать непріятельски, коего невинность и нѣжное почтеніе къ фамиліи столь далеко про-

стираются, что онъ, естьлибъ не родитель мой, лучше оставилъ бы нашъ домъ, нежели открылъ зверской Хризалитовъ поступокъ, и притомъ столь худо обходится, что я опасаюсь, дабы изъ того не воспоследовали весьма худыя следствія, есть ли онъ не примирится съ Агатою.

И такъ знаетели Розавра, какое Филантропъ имелъ намереніе, писавши къ ней перехваченное письмо? не иное, какъ только пожертвовать ей частію своего счастія, и когда она не примирится съ моимъ братомъ, то склонить ее, дабы пошла она въ монастырь, где бы вечно имела пристойное содержаніе; въ томъ также онъ не запирается, что для того единственно нередко отказывалъ онъ мне и всему пріятному собранію, где былъ Хризалитъ, чтобъ въ случае дать ему возчувствовать Агатины добродетели: ибо онъ часто угрызаемъ бываетъ совестію, погружающею его не редко въ меланхолію, въ которой будучи готовъ онъ все сделать хорошее.

Думаю и надеюсь, что мои догатки не неосновательны, что Хризалитъ не оставитъ еще прежняго рода жизни, а естьли это сделается то надобно думать, что онъ столь же

ревностенъ будетъ къ добродѣтели, какъ до сихъ поръ былъ бѣшенъ и утопалъ въ роскошахъ.

Вчерась Агата по моему совѣту написала къ нему письмо. Я отдавши ему сама просила его объ ней слѣзно. Вотъ списокъ онаго.

XVI

АГАТА КЪ ХРИСАЛИТУ.

24 марта.

Какимъ именемъ я васъ назову? И какого вы отъ меня можете надѣяться, какъ не того, которымъ желаетъ васъ назвать моя нѣжность, которымъ называть себя вы мнѣ дали право, и которое ни когда не погаснетъ въ моемъ сердцѣ съ прїятнѣйшимъ воспоминанїемъ, а особливо когда вы меня на всю жизнь оставили въ печали и презрѣнїи.

Дражайшїй, немилосердый и притомъ вѣчно любезный супругъ! чувствую, что я вамъ сїе имя однажды по крайнѣй мѣрѣ теперь осмѣливаюсь еще приписать, прося васъ о невинномъ дѣлѣ. Я съ самаго младенчества понесла несчастїе, которое видно во всю жизнь будетъ меня гнать, я родилась

ко всѣмъ онаго ударамъ, я буду сносить терпѣливо, однако я по крайнѣй мѣрѣ обязана Филантропомъ, моимъ братомъ, за смягченїе вашего гнѣва, естьли я немогла отвратить его отъ себя.

Было такое время, когда я его не заслуживала, не радостное но и непечальное время, когда я въ уединенїи пространныхъ лѣсовъ вдавшись въ меланхолїю и печаль, когда либо могла надѣяться, столь великой чести, на которую возвела меня ваша милость, чтобъ тѣмъ глубже прежняго меня низвергнуть; было время, когда я видѣла въ вашемъ сердцѣ искру первой нѣжности загарающуюся, и вмѣстѣ съ страстїю разгорѣвшуюся которая снѣдаетъ еще сїе печальное сердце удостоенной вашей любви Агаты, которую оно съ перваго на васъ взору возчувствовавши для того единственно столь долго скрывала, чтобъ обоимъ сдѣлаться постоянными и счастливыми.

Ахъ! того времени болѣе нѣтъ! я не заслуживала ни гнѣва ни презрѣнїя вашего! сїе только служитъ мнѣ отрадою. Будетъ такое время, когда вы сжалившись надъ несчастною Агатою, пожелаете ее опять увидѣть

ахЪ! можетЪ быть тогда почтете ея за любви достойную, когда ее уже не будетЪ на свѣтѣ, когда вы оставите быть безчеловѣчнымЪ и нечувствительнымЪ, тогда она неуслышитЪ болѣе вашихЪ стенанїй.

ИтакЪ несомнѣвайся, немилосердый супругЪ, печаль только истребитЪ вашу любовь; а стыдЪ что вами брошена, воспоминанїе прежняго благополучїя, чувствованїе болѣзней, мученїе причиняемое сильною и безнадежною любовїю, окончатЪ жизнь той, которая родилась быть только несчастливою. Я ничево не говорю о бѣдности двухЪ дѣтей, претерпѣвающихЪ горчайшую участь, нежели ихЪ мать, которые будучи оставлены ежедневно простираютЪ со слезами невинные руки кЪ своему отцу, которые свидѣтели и при томЪ утѣшители моей печали.

О! они будутЪ еще просить бога на гробѣ своей матери обЪ отцѣ глаза свои отвращающемЪ отЪ безпомощныхЪ и любви достойныхЪ творенїй; они будутЪ воспоминать предЪ своими мучителями имя пренещастливой матери, не зная никогда своего отца и со слезами повторять предЪ ихЪ ушами ея послѣднїя слова. Драгое Хри-

залитово имя въ самое то время, когда сія рука будучи прежде сего счастлива, когда сіе сердце и постоянная любовь оживотворяющая оное, болѣе не будутъ.

Прошу васъ, любезный Хризалитъ, не за нихъ, ибо ихъ слезы скорѣе могутъ склонить къ сожаленію, нежели плачевный гласъ бѣдной матери, ни за себя, ибо я скоро надѣюсь окончить сію бѣдную жизнь. Прошу только объ одномъ невинномъ гонимомъ вашею ненавистью, и которой заслуживаетъ оную столь же мало, какъ и всѣ ваши любимцы.

Филантропъ никогда не объявлялъ вашему родителю о моемъ несчастіи. Не знаю какъ то попалось къ вашей сестрицѣ писанное имъ ко мнѣ письмо. Она не зная изъ того послѣдствія отдала его своему отцу и есть ли бы не онъ, то Филантропъ давно бы удалился изъ его дому.

Простите по крайнѣй мѣрѣ ему, что онъ любилъ несчастную Агату и дѣлилъ братскую нѣжность съ оставленною безъ утѣшенія сестрою. Сжальтесь по крайнѣй мѣрѣ надъ ея дѣтьми, когда вы безъ сожаленія принуждаете умереть нещастную мать, которая не смѣетъ называться вашею супругою.

XVII.

Филамора къ Розавре.

20 Апреля.

Въ доме нашемъ уже несколько дней находится все въ совершенномъ движенiи. Хризалитъ всякой день ездитъ со двора, а куда не известно. Я знаю, что выездъ сей делаетъ онъ не къ Агате, однакожь думаю, что оной въ разсужденiи его предмета важенъ, и съ прежнимъ, деланнымъ имъ единственно для увеселительныхъ прогулокъ, ни малейшей связи не имеетъ. Филантропъ ласкаетъ себя надеждою утешить свою сестру, къ учиненiю чего онъ самъ по видимому мало имеетъ средствъ. Агата же редко ему показывается, а занимается съ прискорбiемъ воспитанiемъ своихъ любви достойныхъ детей. Естьли бы вы ихъ увидели, любезная Розавра, доброта, кротость, прiятность изображены на ихъ лицахъ, и ни одной черты нетъ сходной съ моимъ безчеловечнымъ братомъ. Въ своемъ дедушке они нашли помощь которую имъ провиденiе ниспослало. Агата находится въ восхищенiи видя ихъ

у дѣдушки на рукахъ, которой часто препровождаетъ время съ маленькими любезными твореніями и по видимому ими увеселяется.

Съ тѣхъ поръ какъ Филантропову рѣшили судьбу, и родитель назначилъ его мнѣ въ супруги, все находится въ движеніи подобномъ пчельному улью, всѣ дѣлаютъ такія разпоряженія, какъ будто я должна отправляться въ чужія краи, въ которыхъ будто нѣтъ ни матерій, ни портныхъ. Все закупаютъ дюжинами и нашъ домъ гремитъ отъ продавцовъ ювелировъ и другихъ дорогихъ вещей.

Я препровождаю всякой день съ чужими людьми, которые снимаютъ только съ меня мѣрки, и примѣривая во всякомъ платьѣ хвалятъ мой станъ.

Долголи вы еще будете упрямы? развѣ вы хотите меня оставить въ то время, когда я имѣю въ васъ величайшую нужду? любезная Розавра, я стою теперь предъ вами на колѣняхъ, и непрежде встану, пока вы недадите слова къ намъ быть.

XVIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ.

Филантропъ весьма скоро сдѣлается счастливымъ, какъ такой человѣкъ, котораго природа и добродѣтель возвели единогласно на высочайшую степень своего достоинства. Онъ обязанъ былъ своему характеру и старанію благороднымъ изображеніемъ способности, природѣ своимъ состояніемъ, но только провидѣнію своимъ щастіемъ, что въ Хрисофилѣ нашелъ втораго и счастливѣйшаго отца, когда судьба похитила у него настоящаго.

Отецъ его тайно познакомился съ простою пастушескою дочерью въ гористыхъ странахъ, въ которыхъ и Филантропъ воспитывался съ своею сестрою Агатою. Онъ пожертвовалъ всемъ счастіемъ непреодолимой своей страсти, чрезъ то лишился наслѣдства, оставилъ родителей и все пренебрегъ для полученія дѣвицы, прилагавшей всѣ старанія, или отвлечь его отъ сей порочной страсти, или склонить его къ законному бракосочетанію.

Въ жару первой своей любви отвергнулъ онъ законы чести, укоризны родителей, и совѣты друзей, какъ такія предразсужденія, которыя уничтожали его счастіе, непредставляя себѣ того, что сіе когда нибудь ему послужитъ ко вреду. Нестараясь ни мало о будущемъ, предался онъ безъ всякаго разсудка побѣдоносной страсти, съ непреодолимою силою его влекущей въ объятія пастушки, и не хотя изыскивать другихъ средствъ сочетался съ нею законнымъ бракомъ.

Филантропъ и Агата, какъ близнецы весьма счастливой четы, были плодами ихъ любви, приближающейся уже къ печальнѣйшему произшествію. Филантроповъ отецъ служилъ въ арміи, его оттуда отпустили до назначеннаго къ сраженію дня. Любовь и опасность оставить при родахъ дражайшую свою супругу, задержали его при ней нѣсколько часовъ долѣе, нежели позволяла ему должность. Онъ надѣялся то вознаградить поспѣшностію, чего требовали отъ него супружеская нѣжность и должность родительская и человѣческая. Онъ тогда пріѣхалъ въ армію, когда побѣда была проиграна и полкъ его на возвратномъ пути былъ взятъ въ полонъ. Онъ не имѣлъ столько мужества,

чтобъ пережить сей безчестной случай. Отчаявшись возвратился онъ къ своей супругѣ. Любовь блистала еще изъ его очей, но ярость уже обитала въ его сердцѣ. Въ послѣдней разъ обнявши свою супругу, отдавши ей остатокъ своего счастія умеръ онъ выстрѣливши изъ пистолета въ голову.

Вскорѣ послѣ выстрѣла нашла его супруга за дубомъ еще дрожащаго, гдѣ она слышала изъясненіе первой его любви, гдѣ она ощущала пріятности сильнѣйшей страсти, и гдѣ она доживала прекраснѣйшія и теперь несчастливѣйшія минуты жизни. Она довольно еще имѣла силы похоронить своими руками несчастную жертву нѣжнѣйшей любви на томъ же мѣстѣ. Будучи слаба и почти при смерти снесла она невинныхъ своихъ дѣтей къ одной добродѣтельной пастушкѣ, живущей въ отдаленной деревнѣ, отдала ей все оставшееся послѣ мужа имѣніе и спустя нѣсколько дней послѣ несчастнаго произшествія умерла съ печали и отчаянія.

Филантропъ казалось столь же былъ счастливъ, какъ и его сестра несчастлива. Онъ подверженъ былъ великимъ и не удобопонятнымъ перемѣ-

намъ въ тоже самое время, когда по-видимому все клонилось къ его несчастїю и когда Агата уже въ цвѣтущихъ лѣтахъ пожертвована была Хризалитову безчеловѣчному поступку.

Онъ купилъ ее себѣ въ супруги у названной ея матери за малую сумму. Филантропъ уже принятъ былъ по восьмому году духовнымъ человѣкомъ, которой полюбя его за способность скоро и къ собственному своему удовольствїю, обучилъ всѣмъ наукамъ, какїя только онъ самъ зналъ.

XIX.

СУДЬБА.

Изъ рукъ добродушнаго пастора, попался Филантропъ въ домъ Кардинала, которой нѣкогда имѣлъ случай видѣть его въ свитѣ Пасторской, не мало удивляясь прїятному его виду. Счастїе сохранило ему у Пастора его родословную, и Кардиналъ воспитывалъ его прилично его роду. Филантропъ пользовался у Кардинала въ домѣ какъ пажъ всѣми достоинствами, доставляемыми при превосходныхъ дарахъ природы счастливою породою и

совершеннымъ воспитанiемъ. Потомъ онъ достигъ возраста, опредѣленъ былъ въ Папскую гвардiю, къ чему способствовали ему болѣе собственная склонность и старанiе его покровителя.

Тамъ онъ имѣлъ несчастiе вступить въ неизбѣжной поединокъ съ однимъ чужестранцемъ, коему онъ былъ предпочтенъ. Его великодушiе не могло охранить его отъ ярости соперника. Вызыватель выстрѣля не попалъ въ первой разъ, филантропъ позволилъ ему и въ другой разъ, а самъ вмѣсто непрiятеля выстрѣлилъ въ верьхъ. Соперникъ его разъярившись выхватилъ шпагу и ни мало не медля ранилъ филантропа столь хитро, что онъ не сомнѣвался, что недостойной его соперникъ ни чрезъ что т.къ не позабылъ бы своего мщенiя; какъ чрезъ покорность. И такъ онъ рѣшась напалъ на него, что безъ сомнѣнiя всякой бы сдѣлалъ. Онъ вышибъ у него изъ руки шпагу, и думалъ симъ великодушнымъ незаслуженнымъ имъ поступкомъ дать ему возчувствовать несправедливость. Однако подлецъ едва получилъ шпагу, то напалъ опять на филантропа. Въ первомъ нападенiи рѣшило все счастiе. Недостойный вызыватель палъ мертвъ предъ

филантропомъ, которой по сему несчастливому при томъ неизбѣжному случаю принужденъ былъ, оставя государство, искать своего спасенія во франціи.

Всегда благодѣтельствующая судьба привела Филантропа въ домъ одной богатой фамиліи, живущей на границахъ, гдѣ приняли его дятькою смотрѣть надъ графскими дѣтьми, не требуя никакого свидѣтельства; а смотря на хорошее разположеніе его лица, пристойность, платье и на одобреніе хозяина, у котораго онъ жилъ нѣсколько недѣль, ожидая между тѣмъ изъ отечества своего одобрительныхъ писемъ.

Онъ нашелъ случай съ его подданными отправиться въ Италію; онъ проѣхалъ большую часть государства не опасаясь прежняго случая, какъ вдругъ схваченъ былъ командою, которая отвела его въ темницу. Изслѣдованіе поединка, о которомъ Филантропъ, спустя три года, думалъ, что уже забыли, возобновлено было въ Венеціи сродниками умершаго, и Филантропъ ни отъ кого не надѣялся избавленія, кромѣ Кардинала,

По причинѣ побѣга Филантропов должность препоручена была другому; и онъ для сниксканія себѣ пропитанія, будучи въ темницѣ, принужденъ былъ трудиться для театра.

Счастіе и въ томъ ему споспѣшествовало, такъ что онъ нѣкоторыми сочиненіями, представленными на Венеціанскомъ театрѣ, привлекъ на себя вниманіе знатоковъ, а особливо Хризофилову милость. Онъ весьма желалъ узнать издателя сочиненія, содержащаго въ печальной драммѣ отчасти собственное его приключеніе· Сіе знаніе достойнаго человѣка, которой, находясь подъ карауломъ, не былъ въ состояніи защищать свое дѣло, навлекло по себѣ его освобожденіе; къ чему способствовало ему болѣе Хризофилово великодушіе.

Тотъ же самой благодѣтель такъ скоро полюбилъ Филантропа, что онъ нуженъ былъ ему въ домѣ и разгонялъ его скуку. Наконецъ счастіе предложило ему Филаморину руку, и теперь онъ находится въ состояніи сдѣлаться счастливѣйшимъ супругомъ любви достойной Венеціанки.

XX.

Филантропъ къ Агатѣ.

23 марта.

Нельзя описать тебѣ, дражайшая сестрица, то восхищенїе, въ какое привело меня сего дня нечаянное Хризалитово изъясненїе! Какъ ты думаешь, для чего онъ до сихъ поръ ѣздилъ часто со двора? Не для чего другаго, какъ основать твое счастїе, любезная Агата. Онъ былъ тронутъ твоими слезами, прошенїями своихъ дѣтей, увѣщанїями своего родителя, послѣднимъ твоимъ письмомъ, собственнымъ угрызенїемъ совѣсти столь сильно, что онъ по его словамъ рѣшился ѣхать въ деревню, при морскомъ берегѣ лежащую, отказаться свѣта и препроводить остатокъ своей жизни только съ любезною Агатою.

Я былъ внѣ себя, слушая рѣшенїе изъ собственныхъ его устъ; я отъ радости обнималъ его многократно; называлъ свою сестру счастливѣйшею женщиною, которая по претерпѣнїи болезней и несчастїй будетъ нѣкогда наслаждаться счастїемъ гораздо прїятнѣе прежняго. Я обѣщался на

сихъ дняхъ проводить его въ увеселительной замокъ, украшенной весьма великолѣпно и самымъ тонкимъ вкусомъ; ты сама знаешь, что онъ знатокъ; но я отъ радости не могъ воздержаться, чтобъ не извѣстить тебя о семъ счастливомъ случаѣ. Драгая моя Агата! какое счастїе для тебя не только быть нечаянно освобожденною отъ всей печали, но и утѣшаться можемъ заслуживающимъ всю твою нѣжность, которой обратился къ добродѣтели чрезъ твое терпѣнїе, покорность и кротость, и осчастливилъ всю фамилїю! Я прихожу въ величайшїй восторгъ, когда подумаю, что самой тотъ счастливой случай, безъ котораго бы я не возчувствовалъ и своего благополучїя, долженъ совершиться въ то время, когда я сдѣлаюсь счастливымъ мужемъ любезной Филаморы, такого ангела, которой сдѣлаетъ для меня свѣтъ раемъ. Два дни спустя Агата, братъ твой будетъ счастливѣйшїй на свѣтѣ смертный.

XXI.

ОТЪ ТОГОЖЕ КЪ АГАТѢ,

28 Марта.

Сего дня, любезная сестрица, видѣлъ я достопочтенную фамилїю

во всемъ великолѣпіи. Всѣ сродники моего ангела собраны были на публичной ея сговоръ, а именно: ея пріятельница Розавра, безчеловѣчная нарушительница нашего благополучія; ея сестра игуменья, ея братъ со всемъ своимъ домомъ; Кардиналъ, дѣлающій мнѣ честь, считая меня своимъ родственникомъ, Іеронимъ, которому я весьма обязанъ, Агнеза, Филидоръ, всѣ друзья Хризофиловы втораго моего отца.

Сговоръ происходилъ со всякимъ торжествомъ, какое только нужно было, хотя бы такое случилось у Принца, у котораго была бы свадьба. Отъ такого человѣка, которой столь великодушенъ, какъ Хризофилъ, никто не стыдится принимать благодѣянія. Но въ Хризалитѣ примѣтилъ я видимое безпокойство, котораго я не въ состояніи изъяснить. Онъ притомъ отрекся и дать свой голосъ, будучи вопрошенъ о сочетаніи моемъ съ его сестрою; и кажется, что его нездоровье походитъ болѣе на обманъ, нежели на правду.

Между тѣмъ сей день прошелъ въ радости и веселіи, всѣ были довольны, или казались довольными. Моя любви достойнѣйшая невѣста преодо-

лѣвши обыкновенную свою печаль, была погружена болѣе въ пріятную меланхолію, нежели внимала Бахусову празднеству. Я слышалъ ее не однократно воздыхающую; однако я приписывалъ сіе сожалѣніе объ твоемъ отсутствіи, которое и меня часто безпокоитъ.

Какъ скоро пройдетъ нашъ счастливой день, то пріѣдемъ мы къ нашей Агатѣ, чтобъ быть свидѣтелями новаго ея счастія. Завтра отправаюсь я съ Хризалитомъ для осмотру будущаго твоего жилища и его разпоряженія. Онъ говоритъ, что откроетъ мнѣ весьма важныя дѣла; три дни спустя, я есмь во владѣніи моей Филаморы.

XXII.

РОЗАВРА КЪ ИГУМЕНЬѢ.

Маія 6 поутру.

О несчастливая моя пріятельница, легковѣрнѣйшая дѣвица! О естьли бы она сначала не повергалась въ сей печальной случай, которой она уже давно предвидѣла, что клонится къ нещастію! О естьли бы она укротила волнующуюся страсть, а по крайней мѣ-

рѣ пресѣкла знакомство съ ненавистнымъ выходцомъ, которой сначала своего прибытія показался мнѣ безпутенъ и опасенъ.

Я не сомнѣваюсь, что онъ ихъ все обманывалъ. И такъ онъ кажется невиненъ у Хризофила въ глазахъ; ибо всѣ видимые знаки обмана еще не увѣрятъ его, что онъ питаетъ змѣю у себя въ пазухѣ, которая со временемъ наполнитъ ядомъ счастіе его дочери.

Вчера пріѣхалъ сюда отъ Хризалита курьеръ; ибо онъ самъ уже дня съ три, какъ уѣхалъ съ филантропомъ, которой отъ послѣдняго принесъ къ филаморѣ письмецо. Они отправились вмѣстѣ въ Аверну, а оттуда думаютъ ѣхать въ Голландію. Филантропъ такъ прощался съ своею невѣстою, какъ будто никогда не надѣялся съ нею опять увидѣться. Онъ кажется писалъ безъ вѣдома Хризалитова, и тамъ неотмѣнно скрывается великая тайна.

Хризофилъ догадывается, что его сынъ покушается на Филантропово счастіе, дабы его навсегда разлучить съ Фамиліею. Его супруга печалится, чтобъ они не стали между собою бить-

ся; для того что они уже выѣхали за границы, и она безутѣшна находится объ отсутствіи своего сына. Агата почти безъ чувствъ находится; дѣти ея наполняютъ домъ печальнымъ крикомъ, которымъ могутъ и самой камень подвигнуть къ сожалѣнію. Филамора со времени того письма рѣшилась никуда не выѣзжать, и никому не хочетъ отворять дверей и ни съ кѣмъ неговоритъ. Въ Хризалитовыхъ комнатахъ нашли слѣды, по которымъ догадываются, что онъ не на короткое время поѣхалъ, и все имѣетъ видъ измѣны противъ Филантропа.

XXIII.

Отъ тоиже.

7 Маія поутру.

О Боже, какая непрерывная цепь несчастій! ударъ за ударомъ! Вчера всѣ думали, что Филамора весьма погружена въ печаль: и для того только не хотѣла отворять дверей. Сего дни ея горница отворена и моей пріятельницы тамъ нѣтъ. Никто не знаетъ, куда бѣдная несчастливая дѣвица скрылась, развѣ она поѣхала

къ Филантропу? Надобно думать, что она рѣшилась на толь бѣшеное предпріятіе; курьеръ говоритъ, что слуга съ нею тайно разговаривалъ. Онъ сперва съ нею говорилъ, и можетъ быть —

О недостойный человѣкъ и измѣнникъ! я знаю ея умыселъ, ея непреклонное и слабое сердце — Естьли бѣдная моя пріятельница сдѣлается добычею злодѣю! — Богъ знаетъ, за чемъ онъ такъ скоро отправился въ деревню! —

Теперь нашли письмецо у Филаморы на уборномъ столикѣ. Она проситъ у своихъ родителей прощенія по причинѣ досады, которую сдѣлалъ имъ Филантропъ своимъ проступкомъ; она надѣется спасти своего брата и думаетъ, что опасность кажется больше, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть, и обѣщается, спустя четырнатцать дней, возвратиться къ нимъ съ своимъ мужемъ.

О Боже, какія безпорядки и смятенія! Никого болѣе нѣтъ, кромѣ двухъ слугъ, которые можетъ быть уже подкуплены ни о чемъ иномъ нестараться, какъ объ ослѣпленіи ея родителей, и возпользовавшись ихъ лег-

ковѣрностїю, дать между тѣмъ время неизвѣстному путешественнику уѣхать въ чужїе краи — Вы не въ состоянїи себѣ представить печаль родителей, безутѣшность Агаты и жалостной вопль ея дѣтей. Весь домъ, уже дня съ два, будучи исполненъ великолѣпїя и пиршества, перемѣнился въ плачевное позорищe, въ которомъ можно видѣть подобную Іовой судьбу. О Боже, коль скоры и несчастливы сїи перемѣны! Кого бы они не привели въ сожалѣнїе! Заслуживаетъ ли столь добродѣтельная фамилїя толикїя несчастїя?

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ